

Я молодой (прил. к Аргументам и фактам), — 1997.

- Татьяна, в клипе "За розовым морем" вы стоите, облокотившись о пальму, и играете на гитаре. Вы что, освоили этот инструмент или это просто была режиссерская находка?

Овсиенко: Мне давно хотелось научиться играть на гитаре (я заканчивала музыкальную школу по классу фортепиано). Когда записывался этот альбом, у меня появилась такая мысль: "А может быть, несколько песен я смогу сыграть сама?" Я брала в руки гитару и пыталась ее освоить, но выучила только небольшой фрагмент из песни "За розовым морем", где я пою: "...Сердце девичье тревожат песни нежные в тиши", но не больше. Надеюсь, что в будущем выучу.

- А кто эти девушки, танцующие в клипе зажигательные танцы "фламенко"?

Дубовицкий: Что касается клипа, то это история, достойная пера, честное слово. Мы достаточно плодотворно поработали, и, как говорится, ничто не предвещало беды... Но по всяким объективным и необъективным причинам пошли задержки на студии. По договору у нас первого февраля этого года должен был выйти первый клип. Мы должны были снимать его в городе-гегре Санкт-Петербурге. К тому моменту, когда Таня должна была туда ехать, на студии "Ленфильм" за неуплату отключили электричество и сказали, что не включат его в течение ближайшего месяца. Мы садимся с Таней и начинаем думать, где мы можем снять клип. В конце концов договариваемся через наших знакомых в Тель-Авиве с фирмой "Телевижн" (она обеспечивает техникой и постановочной командой всех, кто снимает что-то в Израиле). Отправляем туда заявку... У меня секретов нет: хотели снять малобюджетный клип стоимостью 15 тысяч долларов. И по их ценам, присланым нам по факсу, вроде бы мы укладывались в эту сумму.

Приезжаем в Тель-Авив, оттуда в город Натаанья, расселяемся в гостинице. Режиссер с директором Тани едут на студию подбирать технику. И выяснилось, что тот прэс-лист, который они нам высыпали, был, мягко говоря, неполным. Условно камера стоит сто долларов, а объектив к ней стоит отдельно, и все такое прочее. Я их недоуменно спрашиваю: "Вы что, можете снимать камерой без объектива, раз даете цены, не учитывающие amortизацию объектива?" Эта демагогия ни к чему не привела - мы на чужой территории. В конце концов выбрали натуру, назначили начало съемок (там на берегу смычные пески). Съемочная группа приехала туда и застряла в песке по самое "покорнейше благородию". Просидели пять часов, а по законам Израиля - это все считается рабочим временем. Приехали тягачи, начали откапывать их. Пока все это происходило, машина сломалась. Таню привезли, солнце стало садиться, работать уже невозможно. К тому же у Тани лицо красного цвета от целого дня, проведенного на тридцатиградусной жаре. Стилист Шевчук бегает, кричит на них по-русски: "Козлы!"

Татьяна Овсиенко

В один из апрельских дней в московском развлекательном комплексе "Метелица" Татьяна Овсиенко вместе со своим супругом Владимиром Дубовицким общалась с журналистами по поводу выхода на студии "Союз" нового альбома "За розовым морем". Вот что удалось узнать.

Ей пора в камеру, а с нее течет. Короче говоря, откапывают эти машины, я говорю: "Начинаем работать." А мне эти техники отвечают: "У нас рабочий день уже кончился, а если вы хотите, чтобы мы работали в нерабочее время, то, пожалуйста, стоимость каждого часа в три раза дороже." У нас выбора нет, начинаем работать. И вот такая нервотрепка у нас происходила в течение двух дней. Иными словами, нельзя работать в стране, не зная ее законов. В итоге стоимость этого клипа возросла втрое. Я уж не говорю о пленках, которые не разрешали провозить через границу.

А девушки, кстати, которые танцуют в клипе и ноги которых мне очень "нравятся"... Когда все стало лететь в тартарары, и мы понимали, что элементарно не успеваем... У нас не было даже времени отобрать. Желающих, естественно, было много... Это девушки русские, они там работают, когда мы их увидели, то возникли сомнения: а может, лучше взять других? Но уже не было времени думать, хорошо это или плохо. Поэтому стали снимать с тем, с чем было.

- Героическая история. Таня, газеты долго шумели по поводу того, что вы четыре года назад приручили какого-то негритянского мальчика. Сент-Экзюпери как-то сказал, что мы в ответе за тех, кого приручили. Как вы в этой связи относитесь к его словам?

Овсиенко: Я когда-то эту фразу уже произносила, но имела в виду своих животных (у меня их большое количество)... Я вспоминаю тот зимний вечер (я много раз про это рассказывала), когда возвращалась домой и увидела на лестничной клетке шестнадцатилетнего мальчишку, который сидел (зимой!) на ступенях в одной ру-

башечке. Кожа темненькая. И он мне говорит по-русски: "Таня, вы не могли бы дать автограф?" (опускаю дальнейшие подробности, потому что много раз об этом говорила). Во время нашего общения я узнаю, что он сирота, и он остается с нами. Я узнала, что он живет у бабушки с дедушкой в двухкомнатной квартире, что помимо него там живут и беленькие, и черненькие дети - никто из них родителей своих не знает. Очень сложная история, я не стала вникать, чтобы не тревожить душу. У бабушки с дедушкой я отпросила его, и они с большим удовольствием согласились, чтобы он остался у нас переночевать. Прошел день, два, месяц, год, он стал у нас жить. Мне запалось, что мы с Володей ему нужны. С нашей помощью он закончил вечернюю школу, отслужил в армии в Москве. Я постоянно ему задаю вопрос, как маленькому ребенку: "Кем бы ты хотел быть?" Ведь я не могла дать ему за четыре года то, что нужно было дать за двадцать (августе ему уже будет двадцать). Теперь я жду от него ответа. Если он скажет, что я ему еще чем-то могу помочь, то я помогу. Если скажет, что хочет жениться, создать семью, я ему тоже помогу (если в этом вопросе ему нужна будет моя помощь). Для меня он... я не могу сказать, что это сын, что это друг, просто член семьи. Меня волнует, во сколько он придет домой, какую музыку он слушает, мне интересно все, что связано с его жизнью...

Дубовицкий: Сейчас он действительно живет как член семьи. Мне сложно определить степень родства. Что будет дальше - неизвестно...

- На песенке "Наш дворик" прослеживается влияние американской музыки country & western, "За розовым морем" сделана в латиноамериканском ключе. Вы сознательно в работе делали упор именно на эти стили?

Дубовицкий: К сожалению, я не очень хорошо ориентируюсь в западной музыке, я самый настоящий "совок". Поэтому когда шла работа над песнями, мы преследовали только одну цель - сделать качественную музыку. Над каждой песней работали отдельно. Некоторые композиции не попали в этот альбом не потому, что они лучше или хуже, просто они другие. Мне сложно определить стиль какой-то одной песни...

- Весь альбом получился по-детски наивным: солнышко, дворик, дети. Суровая окружающая действительность вряд ли способствует такому восприятию жизни. Не кажется ли вам, что эти образы несколько надуманны?

Дубовицкий: Вы сейчас прямо как по Некрасову: "... Еще стыдней в годину горя красу небес, долину моря и ласки милой воспевать". Поется о том, о чем поется. В жизни русского народа и так достаточно проблем, зачем людям загружать еще и дополнительными. И потом, вы знаете, Таня и в жизни такая же, как в песнях. Поверьте мне, она совершенно искренний человек. Поэт-песенник Костя Арсеньев хорошо о ней сказал: Таня действительно ребенок, живущий во взрослом мире. Она самый искренний человек, которого я встречал в жизни. Этот наив, который есть в альбоме, - наш самый главный козырь.

Владимир ПОЛУПАНОВ